

"На флейте водосточных труб"

Сквозь двадцатый в двадцать первый век проросла хлесткая формула Владимира Маяковского: "А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?". В ней безусловный вызов, бравада, но столь же безусловные — ранимость, нежность, эстетизм. Не на чем-либо, а на флейте... это — сквозь век — проверка подлинности художника. И проверка того, что он делает и для чего он пишет музыку, стихи, картины (нужное — подчеркнуть).

Убежден, одесский живописец Стас Жалобнюк на флейте водосточных труб может сыграть и ноктюрн (лирика), и кантату (патетика), и скерцо (ирония), и симфонию (философия).

* * *

Выбирать врагов следует с особым тщанием. Можно продолжить эту мысль: скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты.

Одним из внутренних толчков, побудивших написать эту статью, стал номер журнала "Образотворче мистецтво" за 2009 год, посвященный современному состоянию одесской художественной школы. Вроде бы неплохой номер — много репродукций, обозначены истоки, проложены вехи в настоящее, широко освещен нынешний творческий процесс. И все же, перелистывая номер журнала раз, другой, ощутил границы пустоты: невняты пути развития в XXI веке, нет, к примеру, художника, чье творчество мне представляется еще одним ярким мазком в палитре Одессы.

"Без меня народ неполный", — внятно сформулировал когда-то Андрей Платонов.

Без картин Стаса Жалобнюка художественная жизнь Одессы становится неполной. Этот живописец (не хочется употреблять штамп "молодой художник", да и какая это молодость — тридцать третий год, возраст Иисуса Христа), прорываясь сквозь влияния учителей, активно заявляет о себе и на выставках, и на аукционах.

* * *

Единственный способ избавиться от искушения — это поддаться ему. Именно так и поступил Стас Жалобнюк.

Ко времени окончания Одесского художественного училища он уже участник многих выставок. Среди его учителей Владимир Власов (а зна-

чит, реальное ощущение "шестидесятничества") и Владимир Цюпко (следующий культурный пласт — нонконформизм). Молодому художнику интересно было все. Понять структуру художественного мышления Юрия Егорова, виртуозный жест Валентина Хруща. Быть частью одесской школы для Жалобнюка значило пропустить весь этот опыт сквозь свои холсты, вступить в живописный диалог с мастерами, которых он любил, которым поклонялся.

...Знакомство с работами Стаса Жалобнюка у меня произошло задолго до знакомства с самим художником. В галерею "Либерти" Анне Голубовской он принес два или три пейзажа, в которых чувствовались уроки Юрия Егорова. Прошел год — и вновь картины Жалобнюка. На этот раз женские торсы, натюрморты. Не подражание В. Хрущу, а скорее, исследование его идей. Признаюсь, тогда же я подумал, не слишком ли часто молодой живописец меняет систему координат, на чем же он остановится, каков же он вне диалогов с мастерами...

Понадобилось время, чтобы я ощутил, что так Жалобнюк избавляется от "искушений", и каждый виток развития не оказывается напрасным. Слой за слоем он созидает свою систему, свою материальность, свой творческий метод. Ни от чего не отказывается — ни от уроков абстрактной символики (как это было заметно на выставке "Территория 2x2", где рядом со Стасом Жалобнюком и его женой Олесей Зайвой выставили свои холсты их мэтры, супруги Владимир Цюпко и Светлана Юсим), ни от уроков статического напряжения, почерпнутых в пейзажах Юрия Егорова, ни от аристократизма, которым отмечены все работы Валентина Хруща. Это были кирпичики, на которых строилась органичная живопись Жалобнюка, сплав, поддерживаемый вкусом и профессионализмом.

* * *

Единственный наш долг перед историей — это постоянно ее переписывать. Стас Жалобнюк расставляет перед собой старые холсты. И те, что его не удовлетворяют, становятся жертвой — холстами для новых картин. Нет, он не думает, что исследователи когда-нибудь будут слой за слоем расчищать его полотна. Ему интересно писать поверх ранней работы. Здесь преодолевается и психологическая боязнь белого листа (холста), и возникает ощущение фактуры как живой плоти.

Кстати, один из одесских коллекционеров, приобретая картину, долго ощупывает ее рукой. Если ощущает человеческое тепло, "флюиды", верит, что выбор правильный.

Но это — отступление, взгляд в сторону, и никак не связано с работой С. Жалобнюка. Он движется вперед, вне пристрастий коллекционеров, и многое, что пять лет его удовлетворяло, сегодня кажется случайным.

Еще сравнительно недавно было распространено увлечение — соби- рание пазлов: по правилам этой игры, из множества фрагментов нужно сло- жить цельную картину. Жалобнюк придумал для себя игру "без правил". Он любит выстраивать свои недавно написанные картины ("фрагменты пазла"!) в причудливые "иконостасы" — рифмуются с его именем. И каж- дый раз, меняя их расположение, композицию "иконостаса", он добывает- ся иного эмоционального воздействия.

Переписывание истории. Как это бывает отвратительно в руках поли- тиков и как весело в руках художника! Ошибка художника им же может быть исправлена. Залогом этого является подлинная глубокая культура. И тут мне кажется совершенно необходимым подчеркнуть, что Стас Жа- лобнюк действительно глубоко погружен и в отечественную, и в мировую культуру.

* * *

Жизнь — слишком серьезная штука, чтобы говорить о ней всерьез. Может быть, поэтому я ощущаю в картинах Стаса Жалобнюка нескрывае- мую иронию. Он и к самому себе, кстати, относится с веселой усмешкой. Самоирония помогает не только жить, но и творить.

Иронично — по определению — было искусство постмодернистов. Это была тотальная насмешка над чувствами, мыслями, действием. Следую- щее поколение, а именно к нему принадлежит Жалобнюк, соединило иро- нию с грустью, с теплом, возможно, даже с ностальгией по былым образ- цам красоты.

Одна из инсталляций Стаса Жалобнюка и Олеси Зайвой — сорок во- семь посмертных масок А.С. Пушкина. На каждой из них какая-либо цветная аппликация, мазок кистью. И возникает образ многоликого мира. Ироничный? В меньшей степени, чем трагичный.

А сейчас художник работает над живописным циклом, связанным с образом Гоголя. Классический портрет, острый нос, насмешливые гла- за. Но несколько таких портретов помещены в контекст людей нынешней эпохи. Неоднозначных. Жестких. Из тех, кто больше всего интересуется, к какому этносу принадлежал Гоголь, а не тем, что он сказал миру. Мож- но ли при этом не быть ироничным? Можно ли в таком случае говорить всерьез?

* * *

Не бывает моральных или аморальных книг, бывают книги хорошо или плохо написанные. Тем более не бывает моральных или аморальных картин — за ними творческое переживание художника. Моральным или аморальным, скорее, может быть зритель.

Смело, откровенно вторгается Стас Жалобнюк в чувственный мир своих героев, понимай — зрителя. Я уже упоминал его ранние работы — женские торсы, в исполнении которых был отзвук манеры Валентина Хруща. Следующие шаги художника привели его не столько к сознательному шокированию зрителя, сколько в тонкости и причуды бессознательного.

Эротическое искусство существует в разных проявлениях — от фаллической скульптуры неолита и откровенных сюжетов расписных античных ваз до работ Тулуз-Лотрека и Фелисьена Ропса, Константина Сомова, Обри Бердслея, Эмиля Нольде...

Можно ли в этот ряд ставить Стаса Жалобнюка? Нет. Потому что он в своем творчестве не эротичен, не сексуален, а точен, как точен хирург. Именно поэтому его картины нельзя воспринимать как "приколы", столь любимые постмодернистами. Это попытка сказать обществу правду о нем самом. Попытка, иронизируя над гламуром, нанести очередную "пощечину общественному вкусу". Так замыкается некий круг в размышлениях о художнике Стасе Жалобнюке. "Пощечина общественному вкусу" — альманах русских футуристов, в котором участвовал Владимир Маяковский. Связь с "флейтой водосточных труб" замкнулась.

И еще: в обнаженных Стаса Жалобнюка при всей их экспрессии нет торгашеского вызова: "Все на продажу!". Как ни удивительно, они лиричны, в них грусть, нежность, подчас лукавство. И вызов. Художника — обществу.

* * *

Есть только один грех — глупость. Вот в этом Стас Жалобнюк перед Богом чист. Думаю, и во многом другом.

В нем сочетается бесстрашная открытость, с которой он объясняет себя; энергия преодоления — собственных ошибок, заблуждений, сопротивления среды; вера, что всего можно добиться собственным трудом.

Я уже писал, что культурный слой, на котором он воспитывался, глубокий. Но желание учиться, познавать не пропадает. Открылась выставка Давида Тихолуза — первая в его жизни. Стас был одним из вниматель-

нейших зрителей. Поехал к художнику домой. Купил у него работу. И рассказывал:

— Беру в руки картон. Переворачиваю. А на нем надпись: "Душа". Мурашки по спине от этого определения.

Теперь "Душа" Давида Тихолуза висит у Стаса Жалобнюка. Кстати, не многие художники в своих мастерских, квартирах вывешивают картины других мастеров.

И еще о душе. В статье о С. Жалобнюке арткритик Ута Кильтер писала: "А ведь "душа" — внимание! — никакого выхода в астрал, именуемого духовностью, именно "душа" суть ключевое понятие для определения наличия или отсутствия перед зрителем чего-то подлинного, произведения искусства. Поэтому я вздрогнула, когда Станислав определял соразмерность своих работ как — "там шмат души" ... (No comment)".

* * *

Мысль, которая не опасна, не достойна называться мыслью. Это относится не только к литературе, но и к живописи. Умные художники пишут умные картины. Уже потом искусствоведы словесно пытаются формулировать их место в иерархии искусства, находят название течения, которое они представляют. Современное искусство — это море разливанное, в котором сосуществуют и Зураб Церетели, и Демиэн Хёрст. Когда выставка англичанина открылась в Киеве, Станислав, естественно, не мог упустить такой возможности — увидеть своими глазами работы одного из самых модных художников современности...

И все же, тому, что делают художники, вышедшие из постмодернизма с его иронией, а подчас цинизмом, решившие продолжать поиски на грани "живописи абсурда" (по аналогии с "театром абсурда"), придумали новое определение: "актуальное искусство", или "contemporary art". Кажется бы, исходя из этой концепции, можно смело назвать Стаса Жалобнюка художником, работающим в манере "актуального искусства". Но мне кажется, что для него эта ниша узка, скорее, размыта.

Нет еще такого определения, но я бы, не боясь, сказал — это "мыслящее искусство", а раз так — "опасное искусство". На пути художника могут подстергать взлеты и падения (и он не должен их опасаться), приятие и неприятие. Опасность — стать "популярным", вот через что каждому мыслящему художнику необходимо пройти с достоинством.

Статья о Стасе Жалобнюке обдумывалась долго. Несколько месяцев тому назад мы договорились с Сергеем Князевым, что для каталога С. Жалобнюка он напишет ряд ассоциаций, которые опубликуем на полях у репродукций, а я статью, где попытаюсь определить место этого художника в современном творческом процессе. Сергей Князев незадолго до кончины прислал мне свою "амальгаму", ассоциации на темы Жалобнюка. Блестящее эссе. Я опубликовал его во "Всемирных одесских новостях". Но как-то оттягивал работу над своей статьей, ощущая ответственность и перед памятью Сергея Князева.

Впервые я увидел, познакомился со Стасом Жалобнюком во Всемирном клубе одесситов на выставке Давида Тихолуза. Высокий, молодой, красивый, с длинными волосами. Похож на Оскара Уайльда. Потом, в разговорах с ним, я оценил парадоксальность его мышления. Так пришло решение — начинать каждую главку афоризмом Оскара Уайльда. И пазл сложился в картину.

Искусство не азартная игра. Здесь нет букмекеров. Но если бы существовали, я сказал бы, что из художников, вошедших в одесскую художественную школу в XXI веке, я "ставлю на Жалобнюка".

